Дм. Якушевъ.

Въ плѣну у нѣмцевъ

Письма и разсказы русскихъ военноплѣнныхъ.

Петроградъ
1916

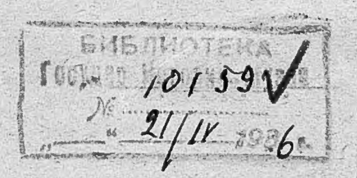
Дм. Якушевъ.

Въ плѣну у нѣмцевъ

ПИСЬМА И РАЗСКАЗЫ РУССКИХЪ ВОЕННОПЛѢННЫХЪ.

ПЕТРОГРАДЪ
1916

Петроградъ, дозволено военной цензурой 19 марта 1916 г.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время". Эртелевъ, 13

Цѣль этихъ строкъ — обратить вниманіе широкихъ круговъ русскаго общества на бѣдственное положеніе русскихъ военноплѣнныхъ, томящихся въ германскихъ концентраціонныхъ лагеряхъ.

Въ краткихъ правдивыхъ письмахъ и разсказахъ военноплѣнныхъ нарисована такая безотрадная картина жизни и быта нашихъ плѣнныхъ, что хочется вѣрить, что не найдется никого, кто отказалъ бы въ своей посильной помощи русскимъ военноплѣннымъ.

Помогая имъ, мы спасемъ для родины многія жизни и вольемъ въ сердца плѣнниковъ радость надежды на близость нашей побѣды, къ которой мы идемъ общими усиліями съ союзными народами.

Авторъ этихъ строкъ будетъ считать свою задачу исполненной, если лицо, прочитавшее эту книжку, само сдѣлаетъ хотя бы самое скромное пожертвованіе (бѣльемъ, деньгами, съѣстными припасами или книгами) и привлечетъ двухъ жертвователей («съ міру по ниткѣ» — на помощь

плѣнникамъ), которые въ свою очередь привлекутъ по два жертвователя и т. д.

Пожертвованія можно направлять по двумъ адресамъ: 1) въ состоящій подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Θеодоровны Комитетъ по оказанію помощи русскимъ военноплѣннымъ, находящимся во вражескихъ странахъ: Петроградъ, Шпалерная улица, домъ № 53, или 2) въ комиссію общенія военноплѣнныхъ при Петроградскомъ комитетѣ союза городовъ: Петроградъ, Бол. Конюшенная ул., д. 12.

По первому адресу направляйте пожертвованія безъ обозначенія подробнаго назначенія («на нужды военноплѣнныхъ»), что же касается института пріемныхъ матерей и отцовъ (о чемъ читатель найдетъ ниже)—то всѣ соотвѣтствующія пожертвованія надлежитъ направлять *исключительно* по второму адресу.

Авторъ.

Вѣсти изъ тяжелой неволи.

«Живемъ всѣ мы, какъ живутъ въ плѣну, — въ особенности въ Германіи»...

(Изъ письма русскаго военноплѣннаго).

Время отъ времени наши солдатики, находящіеся въ германскихъ лагеряхъ для военноплѣнныхъ, даютъ о себѣ короткія, отрывочныя свѣдѣнія, которыя съ вполнѣ понятнымъ волненіемъ читаются всѣми тѣми, у кого, по несчастной случайности, столь возможной при широко развернувшихся военныхъ дѣйствіяхъ,—кто-нибудь изъ близкихъ оказался въ тяжелой неволѣ.

Вѣдь такъ мало приходитъ свѣдѣній объ истинномъ положеніи русскихъ военноплѣнныхъ въ германскихъ концентраціонныхъ лагеряхъ, что поневолѣ даже строки чужого письма заставляютъ учащеннѣе биться наши сердца, и по невеселымъ отрывочнымъ разсказамъ, случайно проскользнувшимъ отъ бдительнаго ока германскихъ военныхъ цензоровъ, отдѣльнымъ словамъ

и выраженіямъ, недоступнымъ пониманію малокультурнаго германскаго офицерства,—мы мало-по-малу получаемъ картину безотрадной жизни русскихъ военноплѣнныхъ въ Германіи.

Нашъ долгъ — придти имъ на помощь, братски протянуть имъ руку и тѣмъ ободрить ихъ, показать имъ, что мы оцѣнили ихъ прошлые труды на защиту родины и въ выпавшемъ на ихъ долю несчастіи видимъ только несчастіе, въ увѣренности, что все, что они могли выполнить, какъ солдаты, они дѣйствительно выполнили до конца.

Въ этой неотложной помощи русскимъ военноплѣннымъ, терпящимъ всевозможныя лишенія—голодъ, холодъ, недостатокъ предметовъ первой необходимости, духовный голодъ и разобщенность съ родиной и со всѣми тѣми, кто остались на милой далекой родной сторонѣ—должны принять участіе всѣ мы, если мы дорожимъ сознаніемъ нашего народнаго единства, возглавляемаго Монархомъ, Который принялъ на Себя бремя ратнаго подвига вмѣстѣ съ преданнымъ Ему народомъ.

Но особенная, выдающаяся роль въ этомъ дѣлѣ милосердія принадлежитъ русской женщинѣ.

За эту войну, какъ и прежде, она явила рѣдкія качества своего самопожертвованія и духовной красоты, чѣмъ вдохновила на неисчислимые подвиги сотни тысячъ воиновъ.

И теперь, когда оказалась нужной наша помощь нашимъ братьямъ, томящимся въ тяжелой

вражеской неволѣ,—русская женщина оказалась въ первыхъ рядахъ, спокойно, дѣловито разсудила своимъ хозяйственнымъ умомъ, какъ лучше всего помочь русскимъ военноплѣннымъ въ ихъ ежедневныхъ бѣдствіяхъ, и на ряду съ этимъ она сумѣла озарить эту помощь такими лучезарными и теплыми лучами своего чуднаго сердца, что наши плѣнники черезъ тысячи верстъ, отдѣляющихъ ихъ отъ родины, живо почувствовали, какъ велика и неисчерпаема наша сила и мощь, направленная къ конечному одолѣнію врага.

Понеся невозвратимыя утраты въ своемъ сердцѣ за эту войну, русская женщина своимъ материнскимъ чутьемъ поняла, что если, вообще, для всѣхъ русскихъ военноплѣнныхъ тяжела неволя, то она во сто кратъ тяжелѣе для тѣхъ изъ нихъ, у кого на родинѣ не осталось ни крова, ни семьи, никого ближняго, кто бы вспомнилъ о нихъ и посылалъ имъ въ плѣнъ хотя бы самый скромный подарокъ въ видѣ предметовъ бѣлья, сухарей изъ чернаго или бѣлаго хлѣба (плѣнники положительно голодаютъ и умираютъ отъ истощенія), чая, сахара и т. п.

Такъ самъ собою сложился институтъ *пріемныхъ матерей*, который въ исторіи русской женщины вообще и въ исторіи этой войны въ частности займетъ свое почетное мѣсто.

Начало этому, поистинѣ святому дѣлу благотворенія положено кружкомъ русскихъ женщинъ,

которыя въ качествѣ добровольцъ работаютъ въ комиссіи общенія военноплѣнныхъ съ семьей и родиной, учрежденной при Петроградскомъ городскомъ комитетѣ союза городовъ (Петроградъ, Бол. Конюшенная ул., д. 12).

Являющіяся сюда благотворительницы получаютъ списокъ русскихъ военноплѣнныхъ, у которыхъ никого не осталось на родинѣ, или же они, въ виду обстоятельствъ военнаго времени, утратили связь со своими близкими, принужденными искать убѣжища вдали отъ театра военныхъ дѣйствій.

Отмѣтимъ, что списокъ этотъ составляется на основаніи свѣдѣній о русскихъ военноплѣнныхъ, которыя получаются изъ Германіи копенгагенскимъ и стокгольмскимъ бюро помощи русскимъ военноплѣннымъ, а также по письмамъ русскихъ военноплѣнныхъ о нуждающихся товарищахъ.

Изъ этого списка жертвовательницы намѣчаютъ себѣ *пріемнаго сына* (по тождеству имени съ погибшими на войнѣ близкими, или по принципу землячества) и посылаютъ ему посылку съ бѣльемъ, сухарями, мыломъ, полотенцемъ, почтовой бумагой, карандашами и т. п.

Чтобы облегчить и ускорить отправку такихъ посылокъ, комиссія заранѣе заготовляетъ ихъ по установленному образцу.

Цѣны на такія готовыя посылки—отъ 3 руб. 50 коп. до 10 рублей.

Въ посылкѣ за 3 руб. 50 коп.: смѣна бѣлья, 1 пара портянокъ, четверть фунта чая, 1 фунтъ сахара, полфунта мыла, четверть фунта табаку или 100 шт. папиросъ и 2 фунта баранокъ.

Посылка за 5 руб. 50 коп. содержитъ: смѣну теплаго бѣлья и портянокъ, затѣмъ то же, что и въ посылкѣ за 3 руб. 50 коп., съ добавленіемъ полотенца и носового платка.

Посылка за 10 руб. еще полнѣе. Въ ней: смѣна теплаго и смѣна холоднаго бѣлья, пара перчатокъ, пара носковъ, два платка носовыхъ, полотенце, 1 ф. сахара, 3 ф. баранокъ, полфунта мыла, четверть фунта чая и 120 штукъ папиросъ.

Одновременно съ посылкой пріемная мать (или пріемный отецъ) отправляетъ своему пріемному сыну письмо съ отвѣтомъ, въ которомъ проситъ указать, въ чемъ онъ нуждается сейчасъ, и не нужно ли что сообщить о немъ кому-либо изъ его родныхъ или близкихъ. За короткое время число пріемныхъ матерей и отцовъ успѣло приблизиться къ 3.000 человѣкъ.

Пріемное материнство, какъ новый видъ благотворенія, *не налагаетъ* на жертвователя *никакой обязанности:* есть усердіе и матеріальная возможность — пріемная мать (или отецъ) не ограничивается одной посылкой, а время отъ времени шлетъ пріемному сыну новыя посылки и путемъ переписки съ нимъ узнаетъ, въ чемъ онъ въ особенности нуждается въ данный мо-

ментъ;—нѣтъ такой возможности—плѣнникъ будетъ признателенъ и за одну посылку.

Большинство посылокъ было отправлено пріемнымъ сыновьямъ до Рождества и теперь пріемные матери и отцы получаютъ благодарственныя письма, проникнутыя глубиной простого сердечнаго чувства, на которое только способенъ простой русскій человѣкъ.

Приведемъ нѣсколько такихъ писемъ, причемъ просимъ читателей обращать вниманіе на тѣ отдѣльныя слова и выраженія, которыя или прямо указываютъ на бѣдственное положеніе военноплѣнныхъ, или наводятъ на мысль о безотрадномъ существованіи ихъ.

— «Вы спрашиваете, какъ живу я,—пишетъ бывшій гимназистъ-доброволецъ, Александръ Полушинъ изъ Бѣлы, находящійся въ лагерѣ военноплѣнныхъ въ Хемницѣ.—Живемъ всѣ мы, какъ живутъ въ плѣну,—*въ особенности въ Германіи*... Тщетно писалъ домой—отвѣта все нѣтъ. А тутъ вдругъ получилъ неожиданно вѣсточку отъ васъ, и я ухватился, *какъ утопающій* за соломинку, и можетъ быть благодаря вашей заботѣ я буду счастливъ хоть что-нибудь узнать объ отцѣ, братьяхъ и сестрахъ...

Если хотите прислать мнѣ что-нибудь — пришлите *чего-нибудь изъ съѣстного*, какъ солдату, за что буду сердечно *благодаренъ*».

Двѣ женщины-доброволицы, Екатерина Ломова и Наталія Воропаева, находящіяся въ плѣну,

въ Нейштеттинѣ (Schloss-Strasse, № 6), пишутъ:

— «Дорогое родное наше общество. Шлемъ вамъ привѣтъ изъ Германіи и отъ души благодаримъ за ваше попеченіе о насъ и еще разъ благодаримъ васъ и *глубоко чувствуемъ наше родное государство.*

«Мы—двѣ женщины-доброволицы *сидимъ въ одномъ домѣ* и не можемъ вамъ дать отвѣта о другихъ нуждающихся, такъ какъ *не видимъ ихъ.*

«Носимъ мы *арестантскую одежду*, что насъ очень печалитъ, что *мы не въ своей милой военной формѣ*»...

Терентій Потапушкинъ изъ лагеря военноплѣнныхъ въ Альтенъ-Грабовѣ, близъ Магдебурга, благодаритъ за посылку и пишетъ:

— Вы этой посылкой сдѣлали для меня великій праздникъ...

— «Вы, дорогая благотворительница, первая *протянули* мнѣ *руку помощи*, и доброты вашей я никогда не забуду»...

— «Отъ переполнившихся чувствъ,—пишетъ другой военноплѣнный, Іосифъ Рѣдькинъ, содержащійся въ лагерѣ во Франкфуртѣ-на Одерѣ,— не могу выразить той благодарности, которая была бы достойна сравняться съ хоть одной сотой счастья, которое я испыталъ, получивъ отъ васъ подарокъ къ Рождеству Христову, заключающій въ себѣ *цѣнныя и необходимыя вещи...* Вы потрудились *для счастья оторванныхъ сы-*

новъ отечества. Дай Богъ вамъ удесятеренное и пошли Господь вамъ *счастье, силу и мужество работать на благо отечества»*...

Въ этомъ письмѣ солдатикъ шлетъ родинѣ горячее пожеланіе побѣды надъ врагами.

Приведемъ еще одно письмо, которое точно чудомъ миновало германскаго военнаго цензора.

Поблагодаривъ за присылку посылки съ подарками, авторъ письма, прапорщикъ Д. С. Рудозубовъ, добавляетъ:—«Память о насъ такихъ людей, какъ вы, *поддерживаетъ и укрѣпляетъ упавшій нашъ духъ»*...

Вникните въ эти слова и своими посильными пожертвованіями поддерживайте русскихъ военноплѣнныхъ, которые въ этой помощи найдутъ радость надежды на близкую нашу побѣду надъ врагами.

---

* * *

Могучей родинѣ — могучаго успѣха!

(Изъ письма русскаго военноплѣннаго).

Письма плѣнныхъ весьма характерны по своему содержанію и ихъ надо хранить въ качествѣ цѣннаго матеріала, которымъ впослѣдствіи, несомнѣнно, воспользуется будущій историкъ настоящей великой войны.

Но для насъ они важны сейчасъ, какъ горячіе призывы о помощи къ жертвователямъ.

Повѣрьте, что ваши пожертвованія, какъ бы малы и скромны они не были, глубоко обрадуютъ и взволнуютъ нашихъ солдатиковъ, томящихся въ плѣну.

Когда человѣкъ тонетъ, достаточно иногда бросить ему кусокъ доски, чтобы дать возможность удержаться на поверхности воды, пока не подоспѣетъ болѣе серьезная помощь.

А положеніе нашихъ томящихся въ неволѣ солдатиковъ поистинѣ еще болѣе ужасное, чѣмъ

тонущихъ, ибо они медленно угасаютъ безъ нашей поддержки, на глазахъ злорадствующаго врага, который все время твердитъ имъ, что-де великая Германія такъ разбила Россію, что имъ, плѣнникамъ, не могутъ съ родины прислать даже куска сухого чернаго хлѣба...

Итакъ, скорѣе на помощь нашимъ изнывающимъ въ неволѣ солдатикамъ. Въ этихъ нашихъ скромныхъ посылкахъ съ бѣльемъ, сухарями изъ чернаго и бѣлаго хлѣба и т. п. предметами первой необходимости наши солдатики найдутъ лучшее опроверженіе на бахвальныя и наглыя нѣмецкія рѣчи, они увидятъ, что родина, откуда сейчасъ къ нимъ доходитъ еще меньше свѣдѣній, чѣмъ намъ извѣстно объ ихъ страданіяхъ,— не забыла ихъ, что она сильна и въ молитвенномъ бодрствованіи готовится къ рѣшительному моменту, устами милліоновъ дѣтей, женъ и матерей молитъ милосерднаго Господа дать побѣду нашему воинству, а оно, не смыкая очей, ждетъ мановенія руки Державнаго Вождя, несущаго со Своимъ народомъ всѣ тяготы военнаго времени, чтобы, съ Божьимъ именемъ на устахъ и съ горячей любовью къ Державному Вождю и родинѣ, ринуться на врага и истребить его злобу и безмѣрную гордыню...

Близокъ часъ, близокъ часъ, потерпите, братья и отцы, томящіеся въ неволѣ, «еще есть порохъ въ пороховницахъ», не ослабла и Богъ дастъ не ослабнетъ, а преумножится наша сила!..

Родина шлетъ вамъ привѣтъ и надежду на радость скораго освобожденія!

* * *

— Ну, что можетъ сдѣлать *одна посылка*, которую я хотѣлъ бы послать,—подумаетъ, можетъ быть, кто-нибудь изъ читателей.

— Стоитъ-ли посылать ее?

— Немедленно посылайте, не сомнѣвайтесь, все дойдетъ въ цѣлости и сохранности, — отвѣчу я.

А что можетъ сдѣлать *одна посылка*, объ этомъ вамъ разскажетъ письмо одного изъ русскихъ военноплѣнныхъ офицеровъ, котораго уже въ плѣну постигло новое великое горе (тюремное заключеніе за попытку побѣга изъ плѣна).

Положительно, за чудо надо считать, что именно къ нему, находившемуся на рубежѣ къ безпросвѣтному отчаянію, попала одна изъ самыхъ скромныхъ посылокъ, которыя были отправлены комиссіей общенія съ военноплѣнными.

Я лишенъ возможности сообщить читателямъ имя этого доблестнаго офицера и лагерь, гдѣ онъ находится, по вполнѣ понятнымъ для каждаго опасеніямъ, какъ бы плѣнника не стали пытать, какимъ образомъ онъ далъ знать на родину о своемъ неудачномъ побѣгѣ и о постигшемъ его заключеніи.

Письмо было отправлено изъ Германіи въ началѣ января и по своему содержанію составляетъ

рѣдкій образецъ напряженнаго сердечнаго порыва къ далекой безконечно милой родинѣ:

«...Нѣтъ словъ, чтобы выразить вамъ признательность за посылку, которая принесла мнѣ глубокую радость!

«Усталый душой, здѣсь, въ одиночествѣ, я перечувствовалъ въ этотъ моментъ маленькую счастливую минуту, я забылъ на мгновеніе всѣ свои горести и невзгоды, забылъ на мгновеніе свой позоръ...

«Я въ этомъ порывѣ превратился изъ больного во всѣхъ отношеніяхъ человѣка въ маленькаго ребенка, которому доступна ул бка, радость мгновенія и ласка.

«Дорого вниманіе, дорога минута моей радости, и за все это я не найду словъ, какъ отблагодарить, какъ выразить вамъ свою признательность.

«Полный искренними пожеланіями, шлю ихъ вамъ, не выражая словами, но чувствуя въ душѣ незримо.

«Могучей родинѣ — могучаго успѣха...»

* * *

— Вамъ понятны, васъ трогаютъ эти пламенныя слова?—Вотъ что можетъ сдѣлать *одна посылка!*

Въ безпросвѣтномъ мракѣ плѣна она явилась радостной зарницей, родила тысячу мыслей, надеждъ, пожеланій, трепетнымъ мерцаніемъ за-

теплила лампаду—«надежду», и изъ этого письма вы чувствуете, что *этому человѣку теперь* уже *легче жить*, что въ душѣ его родилась новая сила, которая поддержитъ его до конца плѣна!

Дайте радость и надежду и другимъ плѣнникамъ, вдохните въ нихъ вѣру и бодрость, скажите имъ долгожданное и вѣщее: «слышу»...

Можно ли безъ слезъ на глазахъ читать, напримѣръ, такое солдатское простецкое письмо:

«... Вспомните меня, забытаго въ далекомъ краю... Я уже больше года не получалъ ничего *для подкрѣпленія желудка...*»

Матери, слышите ли вы эту во истину святую мольбу изстрадавшагося отъ голода ребенка: «—Мама, хлѣба!»

Да, они ждутъ этого хлѣба, простого сухого чернаго хлѣба, о немъ на всѣ лады исписаны сотни писемъ, приходящихъ изъ Германіи, о немъ и въ эту минуту, вѣроятно, пишетъ не одинъ плѣнникъ и ждетъ, что вотъ рано ли, поздно, а пришлютъ съ далекой родины милаго, родного хлѣбушка, испеченнаго можетъ быть изъ той самой ржи, что когда-то онъ самъ засѣялъ и взростилъ...

И вспомнится несчастному плѣннику, какъ *тогда* шелъ онъ по неровному полю за сохой и разрыхлялъ землицу, чтобы засѣять все, что у него было въ запасѣ, съ надеждою, что Матерь Божія и Никола Чудотворецъ благословятъ его труды.

* * *

Но не объ одномъ хлѣбѣ заботится русскій солдатъ на чужбинѣ.

Хлѣбъ, хлѣбушко,—какъ любовно зоветъ онъ,—нуженъ ему лишь постольку, чтобы еще неочистившаяся въ страданіяхъ душа раньше времени не покинула бреннаго тѣла.

Пугаетъ русскаго плѣннаго солдата больше физическаго—духовный голодъ.

Вотъ что пишутъ, напримѣръ, солдатики изъ лагеря, находящагося въ Саксоніи:

— «Находясь въ плѣну болѣе года въ Германіи, русскіе военноплѣнные осмѣливаются прибѣгнуть къ комитету о военноплѣнныхъ съ великою просьбою.

«Не оставьте насъ, *чтобы не лишиться разсудка* отъ скуки и тоски такого положенія (т. е. безпросвѣтнаго, тяжелаго плѣна).

«*Будьте добры прислать намъ книгъ поучительныхъ и для развлеченья* — по вашему усмотрѣнію.

«Помогите чѣмъ можете, такъ какъ родные въ глубокой старости и бѣднотѣ.

«Не оставьте нашей просьбы, помогите, мы будемъ молить Бога за родину и вѣчно благодарить».

И это пишутъ простые солдаты, взятые вчера отъ сохи!

Сколько духовной красоты и силы въ ихъ простыхъ словахъ просьбъ.

Подумайте, сколько должны были они своимъ простымъ умомъ продѣлать работы, что̀ перечувствовать, чтобы со всею ясностью и отчетливостью почувствовать, что тамъ, внутри у нихъ, все такъ напряжено, все такъ перестрадало, что еще какой-нибудь нравственный толчокъ, еще какое-нибудь горе — и разсудокъ ихъ помутится, и они сдѣлаются живыми покойниками.

Утолите ихъ физическій и духовный голодъ.

Это — въ вашихъ силахъ.

Много жизней сохраните вы для родины.

---

* * *

За послѣднее время комиссія общенія военноплѣнныхъ съ семьей и родиной начала получать массовыя просьбы русскихъ военноплѣнныхъ о присылкѣ съѣстныхъ припасовъ. Объясненія этимъ просьбамъ надо искать въ страшномъ недостаткѣ запасовъ продовольствія въ Германіи.

Надо ли указывать, что это особенно тяжело отзывается на положеніи *русскихъ* военноплѣнныхъ.

Въ письмахъ — безотрадная картина голодовокъ...

Комиссія срочно обсудила, какъ надежнѣе и быстрѣе можно помочь голодающимъ, и пришла къ выводу, что слѣдуетъ установить пищевые абонементы для военноплѣнныхъ и сейчасъ же надо привлечь къ этому дѣлу вниманіе благотворителей, въ число которыхъ должны войти люди даже съ самыми скромными достатками.

Жертвователямъ предоставляется возможность брать на свое попеченіе одного или нѣсколькихъ голодающихъ плѣнниковъ.

За пожертвованіе въ *5 рублей въ мѣсяцъ* тому или другому военноплѣнному отъ имени жертвователя *два раза въ мѣсяцъ* будетъ отправлено по посылкѣ, въ которой будетъ по 2 фунта малороссійскаго сала и по 8 фунтовъ сухарей изъ чернаго хлѣба.

Пять рублей — не такая уже большая сумма, и надо пожелать, чтобы число жертвователей на «пищевые абонементы для русскихъ военноплѣнныхъ» было возможно большимъ.

Жертвуйте сами и привлекайте къ этому дѣлу обязательно хотя бы 2—3 вашихъ знакомыхъ, которые въ свою очередь пусть также убѣдятъ 2—3 человѣкъ придти на помощь несчастнымъ русскимъ военноплѣннымъ, которыхъ злая судьба забросила въ неволю.

Не уставайте въ вашихъ убѣжденіяхъ тѣхъ лицъ, относительно которыхъ вы знаете, что для нихъ пожертвовать *пять рублей* — равносильно отказу *лишній разъ* сходить въ театръ, кинематографъ, поставить на карту и т. п.

Говорите, убѣждайте, просите, умоляйте ихъ поддержать нашихъ голодающихъ солдатиковъ, потому что *вы знаете*, что они на краю гибели, и мы всѣ общими усиліями должны помочь имъ.

Посылайте деньги въ комитетъ Государыни Императрицы.

Несите ваши пожертвованія въ комиссію общенія военноплѣнныхъ!

Кто не можетъ пожертвовать пять рублей—

на двѣ пищевыхъ посылки, пусть жертвуетъ *два рубля пятьдесятъ копѣекъ* — на одну такую же посылку.

Для жертвователей съ самыми скромными средствами комиссіей установлены дешевыя пищевыя посылки цѣною въ 1 р. 50 коп., въ составъ которыхъ входятъ: 3 фунта сухарей изъ чернаго хлѣба, ¼ фунта чая, 1 фунтъ сахара, ¼ фунта махорки и ¼ фунта мыла.

Итакъ, не откладывайте выполненія вашего намѣренія помочь русскимъ военноплѣннымъ!

Комитетъ Государыни Императрицы и комиссія общенія военноплѣнныхъ быстро выполнятъ всѣ ваши указанія и пожеланія въ святомъ дѣлѣ помощи плѣнникамъ.

Какъ англичане помогаютъ своимъ военноплѣннымъ.

Мой другъ, недавно побывавшій въ Англіи, разказываетъ, что англійское общество проявляетъ исключительную заботливость и ласку къ англійскимъ солдатамъ, имѣвшимъ несчастье попасть въ плѣнъ къ нѣмцамъ.

Англичане по достоинству оцѣнили патріотическій порывъ своихъ защитниковъ-добровольцевъ и при каждомъ случаѣ стараются доказать имъ, что страна съ чувствомъ гордости слѣдитъ за ихъ самоотверженными трудами въ борьбѣ съ гнуснымъ врагомъ.

Плѣнники, находящіеся въ Германіи, являются предметомъ горячей заботливости *каждой англійской семьи*. По всей Великобританіи разсѣяно около 150 обществъ, которыя работаютъ по оказанію помощи военноплѣннымъ англичанамъ.

Однако, эти мелкія организаціи сами по себѣ не являются автономными, а, такъ сказать, вы-

полняютъ функціи посредничества между жертвователями и большой центральной организаціей по оказанію помощи военноплѣннымъ, которая называется «Priseners of war Committee».

Мелкія организаціи принимаютъ для пересылки англійскимъ плѣннымъ небольшія посылки вѣсомъ не свыше 10 фунтовъ. Эти посылки идутъ по почтѣ.

Болѣе тяжелыя посылки посылаются при посредствѣ особой транспортной пароходной компаніи «American Express Company». Эта компанія почти съ самаго начала войны вошла въ сношеніе въ германскимъ правительствомъ и исхлопотала разрѣшеніе на право пересылки всевозможныхъ отправленій для плѣнныхъ англичанъ.

Необходимо отмѣтить, что все дѣло заботы о плѣнныхъ построено на содѣйствіи англійскихъ врачей и лицъ медицинскаго персонала, попавшихъ, по несчастью, въ плѣнъ къ нѣмцамъ.

Всѣ посылки изъ Англіи отправляются на имя этихъ лицъ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ адресуются на имена начальниковъ отдѣльныхъ лагерей для военноплѣнныхъ.

Насколько велико вниманіе англійскаго общества къ своимъ солдатамъ-военноплѣннымъ, видно изъ того, что рѣдкій день центральная организація, завѣдующая снабженіемъ плѣнныхъ всѣмъ необходимымъ, отправляетъ менѣе пяти съ половиной, а то и семь тысячъ посылокъ.

Если принять во вниманіе, что число англій-

скихъ плѣнныхъ, находящихся въ Германіи, сравнительно невелико, ясно отсюда, что плѣнные англичане получаютъ съ родины частыя и обильныя посылки, благодаря чему скрашивается тяжелая неволя и поддерживаются ихъ физическія силы, такъ какъ всѣ мы слишкомъ хорошо знаемъ, какъ и чѣмъ кормятъ германцы военноплѣнныхъ.

Какъ бѣгутъ изъ плѣна.

(Разсказъ счастливчика).

Передо мной стоялъ мужчина лѣтъ 25—27. Небольшой, съ умнымъ лицомъ и живыми глазами, которые при волненіи зажигались огнемъ и ярко отражали большую работу ума, открывшую новый міръ, котораго онъ до сихъ поръ не замѣчалъ, хотя и жилъ въ немъ.

— Я очень радъ нашей встрѣчѣ,—началъ я, и мы поздоровались.—Садитесь и разскажите о вашихъ злоключеніяхъ въ плѣну.

Солдатикъ заволновался, но вскорѣ успокоился и рѣчь его полилась плавно.

— Что же вамъ разсказать? И много и мало я разскажу, все равно не передать словами ту скорбь и безысходную тоску, которая была нашимъ удѣломъ за время несчастныхъ дней нашего плѣна.

Я—младшій унтеръ-офицеръ 15-го сапернаго батальона. Зовутъ меня Платонъ Сальковъ. До

призыва работалъ на заводѣ въ Екатеринославѣ, гдѣ у меня много друзей. Если удастся, передъ отправкой въ свою часть побываю тамъ...

Есть что разсказать и повѣдать товарищамъ-рабочимъ!

Дни русскаго наступленія на Восточную Пруссію были началомъ моего несчастія.

Помните страшный бой подъ Нейденбургомъ? Это было 16 августа 1914 года.

Наша часть мѣняла позицію. Здѣсь же перемѣщался обозъ. Нѣмцы внезапно обнаружили наше передвиженіе и открыли бѣшеный артиллерійскій огонь, производя страшныя опустошенія въ нашихъ рядахъ, такъ какъ, видимо, у нихъ заранѣе былъ взятъ вѣрный прицѣлъ.

Отъ непрерывно рвавшейся шрапнели все вокругъ пришло въ сущій адъ... Гулъ канонады, стоны раненыхъ, бѣшено мчащіяся раненыя лошади... Дымъ и песокъ въ воздухѣ... Нечѣмъ было дышать... Казалось, не хватитъ силы перенести все это... Но въ душѣ горѣло одно лишь желаніе — ринуться на врага и смести его, но все несчастіе было въ томъ, что мы не видѣли его.

Вдругъ—прямо передо мной рвется шрапнель, и я падаю вмѣстѣ съ моей изувѣченной лошадью: у нея оказалась раздробленной голова и оторвана правая передняя нога.

Послѣ долгихъ усилій мнѣ удалось, наконецъ, высвободить ногу изъ-подъ трупа лошади. Съ

трудомъ я могъ подняться на ноги, но сейчасъ же снова упалъ: въ глазахъ пошли огненные круги, шумѣло въ головѣ и земля уходила изъ-подъ ногъ...

Я понялъ, что я контуженъ.

Въ это время показались нѣмецкіе разъѣзды, но на нихъ откуда ни возьмись понеслись лавой казаки. Закипѣлъ бой. Нѣмцы все прибывали и сразу стало замѣтно, что они хотятъ окружить казаковъ... Изъ насъ, кто могъ, также разилъ врага... Какъ радостно трепетали наши сердца, когда мы замѣтили, что казаки выиграли время, задержали нѣмцевъ, дали отойти части нашего обоза и внезапнымъ прорывомъ обезпечили себѣ свободное отступленіе!

Нѣмцы сначала бросились за ними, но казаки также внезапно исчезли, какъ и пришли.

Тогда нѣмцы окружили насъ, перебитыхъ, перераненыхъ...

Мы это предвидѣли и, когда еще шелъ бой съ казаками, быстро, какъ только могли, зарывали въ землю инструменты и оружіе и привели въ полную негодность бывшій при насъ большой прожекторъ: врагъ здѣсь ничѣмъ не попользовался!

Съ поля сраженія насъ плѣненныхъ, съ трудомъ двигавшихся, привели на сборный пунктъ и продержали здѣсь три дня. Питались тѣмъ, что у насъ было при себѣ.

Затѣмъ насъ привели въ небольшой городокъ

и загнали въ машинное отдѣленіе какого-то завода, а на слѣдующій день отправили въ Саксонію. Въ вагоны насъ сажали человѣкъ по 80 и отъ этихъ тяжелыхъ условій пути, отъ ранъ и отъ голода и жажды въ нашемъ вагонѣ, напримѣръ, скончалось болѣе 10 человѣкъ... Что мы переживали въ это время — нѣтъ словъ передать!

По прибытіи на мѣсто насъ продержали въ вагонахъ два дня, а затѣмъ перевели въ «лагерь для военноплѣнныхъ». Это было голое поле, огороженное колючей проволокой.

Намъ дали по четыре снопа соломы и предоставили устраиваться, какъ хотимъ... На наше горе, сразу начались непрерывные дожди. Сдѣлалось холодно. Не оставалось ничего другого, какъ руками рыть нору-землянку и хоть немного укрыться въ ней отъ стужи и дождя. Въ этихъ норахъ земляныхъ мы прожили до декабря, когда въ лагерѣ были построены досчатые бараки, но въ нихъ было такъ холодно, что среди насъ начались массовыя заболѣванія воспаленіемъ легкихъ.

До марта мѣсяца мы ни разу не могли перемѣнить бѣлье и побывать въ банѣ. По желанію насъ брали изъ лагеря на работу — вырубать лѣса, возить кирпичъ. Плата за тяжелую работу была — лишній кусокъ хлѣба. Какъ мы были рады ему!

Въ мартѣ насъ перегнали въ другой лагерь,

въ Гессенъ. Здѣсь была баня, и мы почувствовали себя легче, да и вообще здѣсь было чище. Вмѣстѣ съ нами сидѣли военноплѣнные французы и англичане. У насъ съ ними установились самыя лучшія, дружескія отношенія, и мы дѣлили все, что имѣли, — и горе, и радость переживали вмѣстѣ...

Однако вскорѣ насъ угнали въ другой лагерь, въ горы, въ мѣстечко Бадъ-Ортъ. Здѣсь было очень тяжело жить: холодъ, постоянный туманъ, дожди и снѣгъ. Всѣхъ заставили работать, а кормили столько, чтобы только мы не умерли. Хлѣбъ давали гнилой, а къ нему похлебку изъ неочищеннаго картофеля, да еще такъ дѣлали: раздадутъ полъ-котла, затѣмъ дольютъ сырой водой и продолжаютъ раздачу пищи дальше...

Скоро мы въ конецъ ослабли отъ такой пищи. Падали на работѣ отъ изнуренія и не было силы подняться подъ ударами прикладовъ часовыхъ.

Сейчасъ страшно вспомнить, что мы дѣлали, чтобы разыскать гдѣ-нибудь остатки какой-нибудь пищи, кость... Самыя грязныя мусорныя ямы были перерыты такъ, какъ будто мы искали въ нихъ потерянную иголку или булавку.

Когда нѣмцы замѣтили, что мы остались на шагъ отъ смерти, они перевели насъ на поправку въ деревню. Здѣсь мы работали на помѣщиковъ и немного поправились, но мнѣ не

повезло: снова заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ и попалъ въ госпиталь въ городъ Кельнъ, а затѣмъ снова меня отправили на работу къ крестьянину, такъ какъ я сказалъ, что я садовникъ. Больше всего мы боялись, чтобы насъ не послали работать на фабрики, заводы, или въ шахты, такъ какъ знали, что оттуда выходъ одинъ—въ могилу...

Работая въ деревнѣ, я познакомился съ голландцами: хорошій народъ! Они помогли мнѣ достать вольную одежду, хлѣба и масла.

Въ концѣ сентября минувшаго года мы съ товарищемъ рѣшили бѣжать! И до насъ были побѣги, частью удачные, частью неудачные, а потому мы уже могли воспользоваться опытомъ товарищей.

Товарищъ заранѣе испортилъ замокъ въ калиткѣ во дворѣ. Въ 10 час. вечера мы ножами прорѣзали потолокъ и выбрались на крышу. Съ нами напросился еще одинъ товарищъ: троимъ веселѣе! Ну, вотъ, спустились мы на свой дворъ и черезъ заднюю калитку попали на сосѣдній дворъ... Осмотрѣлись. Видимъ, нѣтъ выхода! Выломали дверь и вышли въ поле. На все это потратили больше полутора часа, а въ $4^1/_2$ час. утра, когда насъ поднимали на работу, уже могли обнаружить нашъ побѣгъ. Надо было торопиться! У насъ былъ маленькій компасъ — брелокъ отъ часовъ и небольшая нѣмецкая

карта изъ записной книжки. Чтобы скрыть свои слѣды, рѣшили идти въ сторону, противоположную той, гдѣ насъ могли бы искать. Такъ шли пять дней, а затѣмъ повернули въ сторону къ Голландіи.

У этой новой земли обѣтованной мы едва не попали въ руки нѣмца-лѣсника, котораго мы разспрашивали о дорогѣ... Едва ушли отъ него, бросившись въ лѣсъ!

Наконецъ, достигли границы Голландіи: перешли ее благополучно, но потеряли на это очень много времени... Какъ змѣи, ползли по землѣ и прятались и отсиживались въ кустарникахъ, чтобы въ удобную минуту пройти мимо часовыхъ.

И вотъ мы въ Голландіи! Видимъ, и народъ другой, постройки не такія, все кругомъ иначе выглядитъ, а мы все еще прячемся, боимся обнаружить себя...

Наконецъ, мы помолились Богу—и вышли къ одному селенію. Вошли въ домъ. Говоримъ: «Русъ, русъ, кригесъ-гефангенеръ», т. е. военноплѣнные. Вѣдь пока были въ плѣну, немного говорить научились по-нѣмецки..

Голландцы насъ радушно встрѣтили и отправили къ русскому консулу, въ Роттердамъ, а онъ насъ отправилъ въ Лондонъ, и черезъ Швецію мы вернулись въ нашу горячо любимую родину!

Если бы теперь мнѣ задали вопросъ: плѣнъ или смерть, я не задумываясь отвѣтилъ бы: «смерть», ибо она легче страшнаго и унизительнаго плѣна, голода и мученій, перенесенныхъ нами въ Германіи!

Годъ моего плѣна.

(Разсказъ Уполномоченнаго Россійскаго Общества Краснаго Креста, гласнаго Петроградской городской думы В. В. Маркозова).

Однимъ изъ вопіющихъ нарушеній международныхъ соглашеній было плѣненіе нѣмцами Уполномоченнаго Россійскаго Общества Краснаго Креста, гласнаго Петроградской городской думы В. В. Маркозова, котораго они продержали въ лагерѣ для военноплѣнныхъ безъ нѣсколькихъ дней годъ.

Въ бесѣдѣ со мною В. В. Маркозовъ подѣлился свѣдѣніями объ этомъ годѣ плѣна.

— Меня взяли въ плѣнъ, — говоритъ В. В. Маркозовъ,—30 августа 1914 года около города Гумбинена.

Я провожалъ послѣдній поѣздъ, на которомъ уѣзжали русскія сестры милосердія и весь составъ нашего владимірскаго госпиталя.

Отправивъ ихъ, я поѣхалъ на автомобилѣ въ сопровожденіи шофера и санитара навстрѣчу

поѣзду, который отходилъ со станціи Даркеменъ и направлялся къ станціи Гумбиненъ съ 500 тяжело раненыхъ русскихъ солдатъ.

Мы получили свѣдѣнія, что поѣздъ этотъ сошелъ съ рельсовъ и не могъ продолжать путь своими силами.

Выславъ къ поѣзду моего помощника, я поспѣшилъ самъ туда же, чтобы принять всѣ мѣры къ пропуску поѣзда.

Въ это время бой былъ въ полномъ разгарѣ... Когда я направлялся къ мѣсту крушенія поѣзда, всю прилегающую мѣстность уже занялъ 11-й германскій корпусъ, только что прибывшій изъ Бельгіи.

Я оказался между передовыми пѣхотными патрулями германскихъ полковъ.

Несмотря на всѣ мои протесты, нѣмцы захватили меня въ плѣнъ, и вотъ съ этого момента начинается тяжелая невзгода германскаго плѣна, безчеловѣчнаго, кошмарнаго содержанія въ плѣну уполномоченнаго международной организаціи по оказанію милосердія всѣмъ раненымъ, независимо отъ того, къ какой національности они принадлежатъ.

Со мной обращались невѣроятно грубо, и такіе эпитеты, какъ «собака» и «свинья», были самыми обычными «ласкательными» словами представителей «культурнаго» нѣмецкаго племени.

Я долженъ особенно отмѣтить, что при взя-

тіи меня въ плѣнъ нѣмцы, въ присутствіи офицерскаго состава, сорвали съ меня орденъ Св. Владиміра съ мечами и перевязь Краснаго Креста. Некультурность нѣмцевъ дошла до того, что при этомъ меня дважды ударили.

Въ плѣну я былъ въ международномъ лагерѣ, гдѣ вмѣстѣ со мной сидѣли французы, англичане и даже былъ одинъ японецъ.

Плѣнъ въ особенности былъ тяжелъ тѣмъ, что мы не имѣли никакихъ извѣстій съ родины... Вѣдь немыслимо было получить какую-нибудь русскую газету, а писемъ было такъ мало...

Вслѣдъ за плѣненіемъ, я цѣлый годъ непрерывно писалъ обширныя заявленія на имя всѣхъ нѣмецкихъ инстанцій и протестовалъ противъ незаконнаго плѣна и доказывалъ, что я долженъ быть немедленно отпущенъ.

Однако, на всѣ мои заявленія слѣдовалъ неизмѣнно одинъ и тотъ же отвѣтъ, что меня не отпустятъ.

Когда, наконецъ, подобный же отвѣтъ я получилъ отъ нѣмецкаго военнаго министерства, я рѣшилъ, что дальнѣйшіе протесты бэзцѣльны, и началъ спокойно ждать конца войны.

Въ это время я узналъ, что нѣмцы предлагали обмѣнять меня на кого-нибудь изъ нѣмецкихъ офицеровъ.

Всѣми силами моей души я протестовалъ противъ такого предложенія, заявляя, что, какъ уполномоченный Краснаго Креста, я долженъ

быть немедленно отпущенъ, а не обмѣненъ на кого-нибудь.

Уже возвращаясь въ Россію, въ Стокгольмѣ я узналъ, что наше дипломатическое вѣдомство исписало цѣлую кипу бумагъ, требуя моего немедленнаго освобожденія...

Свобода, желанная, радостная свобода пришла ко мнѣ тогда, когда я меньше всего ее ждалъ...

Внезапно меня «изъяли» изъ лагеря военноплѣнныхъ, подъ сильнымъ карауломъ привезли въ Берлинъ и «представили» въ нѣмецкое военное министерство.

Здѣсь я узналъ, что меня освобождаютъ изъ плѣна... Несмотря на всю радость близкой свободы, я не удержался и заявилъ нѣмецкому полковнику, къ которому меня «представили», что я считаю величайшимъ позоромъ для нѣмцевъ—содержаніе въ плѣну годъ уполномоченнаго Краснаго Креста, какъ международной организаціи милосердія къ раненымъ.

Отмѣчу, что въ плѣну меня содержали на солдатскомъ пайкѣ, выдавая 60 пфениговъ въ день. Отъ меня требовали, чтобы я приплачивалъ къ этой платѣ за пищу, но я самымъ рѣшительнымъ образомъ отказался это дѣлать и заявилъ нѣмцамъ, что *если они считаютъ возможнымъ* держать уполномоченнаго Краснаго Креста на положеніи простого солдата, то я и останусь на такомъ положеніи.

Съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія я

вынесъ изъ германскаго плѣна то мнѣніе, что *позоръ* нѣмецкой націи — есть *доказанная* вещь и что для многихъ представителей этой націи такія слова, какъ «долгъ и честь» — суть пустыя слова, а съ такими нравственными задатками такой націи грозитъ моральное крушеніе.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

Вѣсти изъ тяжелой неволи 5

Какъ англичане помогаютъ своимъ военно-плѣннымъ 23

Какъ бѣгутъ изъ плѣна 26

Годъ моего плѣна 34

Цѣна 30 коп.

